

ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ОТЕЧЕСТВО

фотоальбом о военной операции по принуждению Грузии к миру

Икона святого великомученика Георгия Победоносца

ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ОТЕЧЕСТВО

фотоальбом о военной операции по принуждению Грузии к миру

Санкт-Петербург
2009

*Солдатам и офицерам
Вооружённых сил России
посвящается...*

Пятидневная война

Текст: Сергей Галицкий

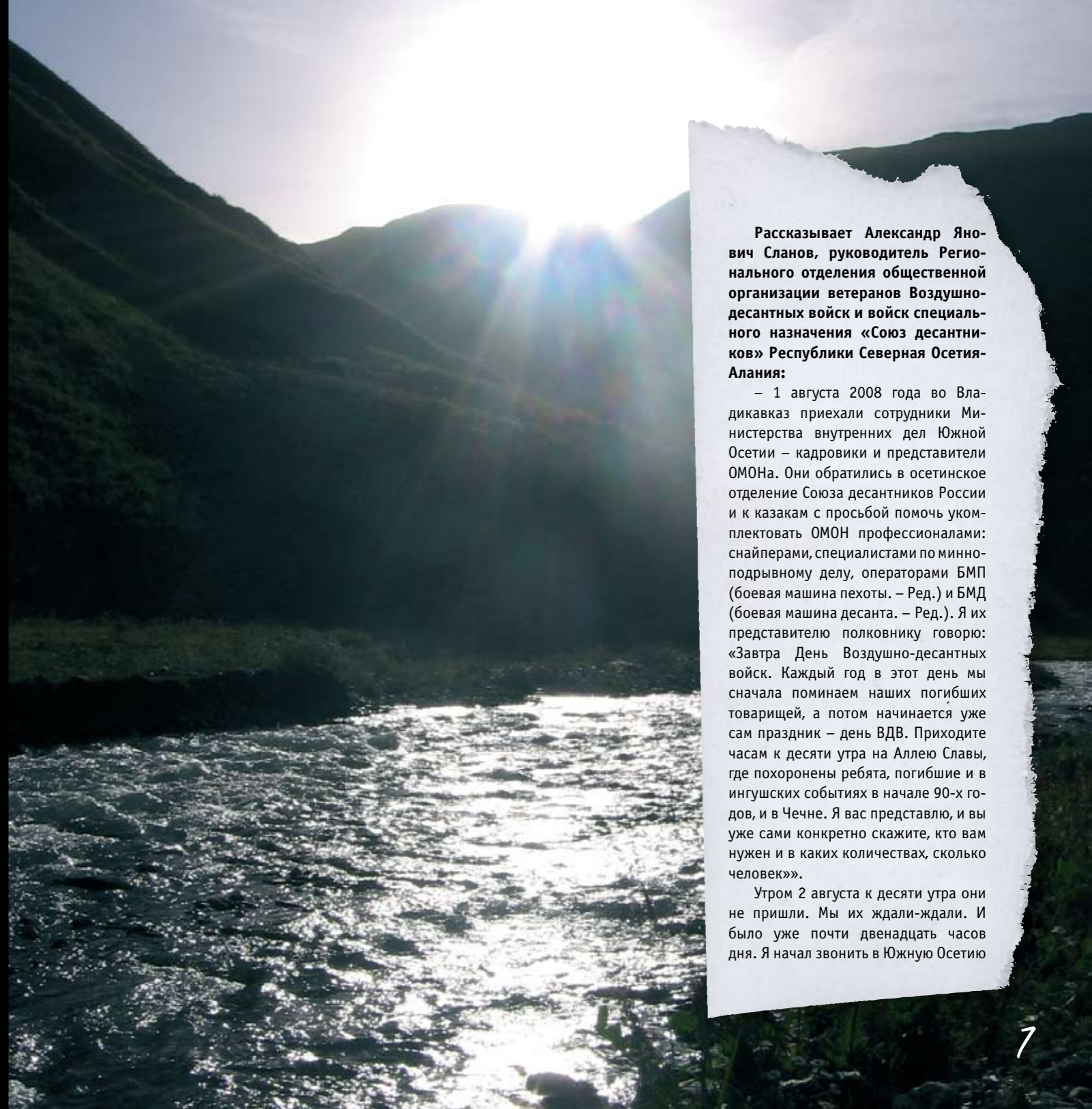
Готовя этот альбом, я встречался со многими участниками трагических событий августа 2008 года. Это и осетинские ополченцы, и бойцы армейского спецназа, и псковские десантники... Из бесед с ними стало ясно: мы победили потому, что были правы. Правы, что всё-таки пришли на помощь таким, казалось бы, далёким от нас осетинским женщинам и детям, которых грузинские войска безжалостно и методично уничтожали из установок залпового огня. Правы ещё и потому, что не простили грузинам гибели своих товарищей – бойцов российского миротворческого батальона.

Конечно, были в этой пятидневной войне и политическая, и дипломатическая составляющие. Но решающую победу над противником одержали всё-таки не политики и дипломаты, а российские солдаты и офицеры. Поэтому наш рассказ о тех, кто наголову разгромил и обратил в позорное бегство в разы превосходящего по численности противника, которого к этой войне хорошо подготовили и вооружили наши так называемые западные «партнёры». О тех, кто, едва выйдя из ожесточённых боёв, уже поддерживали общественный порядок в брошенных властями грузинских городах и селах и доставляли туда продовольствие. О тех, кто помогал своим поверженным врагам хоронить тела их погибших. Честь и слава русскому солдату-победителю!

Цхинвал: хроника уничтожения

Текст: Сергей Галицкий

Рассказывает Александр Янович Сланов, руководитель Регионального отделения общественной организации ветеранов Воздушно-десантных войск и войск специального назначения «Союз десантников» Республики Северная Осетия-Алания:

– 1 августа 2008 года во Владикавказ приехали сотрудники Министерства внутренних дел Южной Осетии – кадровики и представители ОМОНа. Они обратились в осетинское отделение Союза десантников России и к казакам с просьбой помочь укомплектовать ОМОН профессионалами: снайперами, специалистами по минно-подрывному делу, операторами БМП (боевая машина пехоты. – Ред.) и БМД (боевая машина десанта. – Ред.). Я их представителю полковнику говорю: «Завтра День Воздушно-десантных войск. Каждый год в этот день мы сначала поминаем наших погибших товарищей, а потом начинается уже сам праздник – день ВДВ. Приходите часам к десяти утра на Аллею Славы, где похоронены ребята, погибшие и в ингушских событиях в начале 90-х годов, и в Чечне. Я вас представлю, и вы уже сами конкретно скажите, кто вам нужен и в каких количествах, сколько человек»».

Утром 2 августа к десяти утра они не пришли. Мы их ждали-ждали. И было уже почти двенадцать часов дня. Я начал звонить в Южную Осетию

– поздравлять наших десантников. А они мне говорят: «В ночь с первого на второе грузины – снайперы и минометчики – обстреляли Цхинвал, погибли шесть человек, больше десяти ранены. Так что нам не до праздника». Я понял, почему их представителей не было у нас. Ночью, когда им сообщили об обстреле, все они срочно выехали в Цхинвал.

Мы уже помянули погибших, за праздник выпили. Поэтому я ребятам об обстреле ничего говорить не стал – а все они уже были в самурайском настроении и в Цхинвал пошли бы пешком, не остановить. Я только своему активу сказал: «Завтра встречаемся, надо обсудить кое-какой вопрос».

Третьего августа я им рассказал, что произошло в ночь с первого на второе августа и что МВД Южной Осетии просит оказать помощь людьми. Мне ребята отвечают: «Ты, командир, поезжай на место и разберись сам: кто им нужен, сколько человек. Нам надо будет потом три-четыре дня: кому-то с работы уволиться, кому-то отпуск за свой счёт оформить, кому-то домашние дела завершить».

В ночь с четвёртого на пятое августа я и еще пять ребят-десантников выехали в Цхинвал. Приехали мы в пять утра. Нас руководство республики прикомандировало к бойцам осетинского батальона, который стоял в Хетагурово. Это первый населённый пункт на пути от грузинских позиций к Цхинвалу. Он по форме напоминает

подкову и окружён по периметру грузинскими селами.

Шестого августа были два сильнейших обстрела Хетагурово. Я послал смс-сообщение Председателю Союза десантников России генерал-полковнику Владиславу Алексеевичу Ачалову. Он мне сразу перезвонил. Как раз шёл бой. Я даже трубку телефона в сторону отвёл, чтобы он сам услышал, что у нас происходит.

Проблема на тот момент была в том, что против наших ручных гранатометов и стрелкового оружия у грузин были миномёты, БМП, то есть тяжёлое вооружение. Силы из-за этого у нас с ними оказались неравными.

Само село Хетагурово находится на высотке. А на другой высотке примерно в километре, если по прямой, грузины построили укрепрайон. Там они закопали в капониры БМП-2, сделали долговременные огневые точки. Там же находились у них миномёты и крупнокалиберные пулемёты.

Осетинские бойцы были рассредоточены на блок-постах, которые расположены между Хетагурово и грузинскими сёлами. Но огонь грузины главным образом вели по самому селу. Жителей в нём было очень много, потому что уходить-то им по существу было некуда. Я уже гово-

рил про форму села в виде подковы. В Цхинвал можно было уйти только по Зарской дороге, участок которой хорошо простреливался со стороны грузинских сёл.

Цель у грузин была очевидная: нанести максимальные потери мирному населению, чтобы люди запаниковали и начали из села бежать. Дело в том, что Хетагурово было, как обычно военные говорят, танкоопасным направлением. Именно через Хетагурово грузины танки в Цхинвал потом и ввели. А обстрелы – это огневая подготовка перед танковой атакой. Только обычно в таких случаях огонь ведут по боевым позициям противника и его оборонительным сооружениям. А тут грузины ровняли с землей само село вместе с мирными жителями.

Мне Ачалов говорит: «Поезжай в Цхинвал к министру обороны Южной Осетии, расскажи о ситуации и объясни, чего не хватает для организации обороны. Я, со своей стороны, выйду на первого заместителя министра обороны России, который до этого командовал ВДВ, и расскажу о сложившейся обстановке».

Первый обстрел длился часа два с половиной. После разговора с Ачаловым я обратился к командиру осетинского батальона. Он выделил мне машину с водителем, и я поехал в Цхинвал к министру обороны, генерал-майору Луневу Василию Васильевичу, и рассказал ему о сложившейся ситуации. А он мне отвечает: «Я два месяца назад отправил заявку, куда следует,

как раз на тяжёлое вооружение. Но пока тишина». Ещё я рассказал ему о разговоре с Ачаловым. А он мне: «Неудобно как-то через голову моего руководства действовать». А я сижу и про себя думаю: «У тебя, брат, война начинается, а ты всё о субординации думаешь». Но вслух я ничего не сказал – он всё-таки генерал, я не могу с ним так разговаривать.

В этот день как раз во время совещания силовиков Южной Осетии в Цхинвале, на котором я присутствовал, был второй сильный обстрел Хетагурово. Поэтому в ночь на седьмое августа Минобороны Южной Осетии направило в Хетагурово три танка Т-55 и две БМП. К слову сказать, все бронетанковые силы Южной Осетии на тот момент состояли из пяти танков Т-55 образца 1955 года. И вот эти три танка начали артиллерийскую дуэль с грузинским укрепрайоном на высоте, откуда те вели массированный огонь по Хетагурово.

Танкист Владимир В.:

– В Хетагурово мы прибыли утром 7 августа. Нам была поставлена задача уничтожить грузинский укрепрайон, который находился на высоте недалеко от Хетагурово. В 2004 году грузины эту высоту у нас отбили. И за последующие четыре года этот укрепрайон «выпил всю кровь» у тех, кто находился в Хетагурово: оттуда

постоянно шли обстрелы и самого села, и позиций наших бойцов вокруг него.

Позиции грузинские мы обнаружили заранее и знали, что на высоте у грузин стоит танк, БМП и «фаготы» (противотанковые ракетные комплексы. – Ред.). Решили мы применить против грузин так называемую «тактику подскока». Это довольно рискованное предприятие, но оно дало свои результаты. Суть вот в чём: из укрытия на открытое место выезжает наша БМП, открывает огонь по грузинским позициям и как можно быстрее отходит назад. Грузины, естественно, отвечают: бьют по тому месту, откуда стреляла БМП. Но её уже там нет, она отошла. И в этот момент мы засекаем их огневые точки. Дальше на прямую наводку выходит наш танк, производит несколько выстрелов и тоже отходит назад.

Бой получился скоротечный, длился не больше часа. Выходить на стрельбу прямой наводкой нам пришлось трижды. В танке у меня был полный боекомплект – сорок один снаряд. Огонь мы вели достаточно интенсивно, и я выпустил все снаряды, кроме пятнадцати бронебойных. Ими стрелять в этой ситуации было бесполезно: ведь это просто железные болванки.

По результатам можно сказать, что отстрелялись мы успешно, практически каждый выстрел нашёл свою цель. Грузинские танк, БМП и почти все те, кто находился на высоте, были уничтожены. Уже после войны я подни-

мался на эту высоту, а потом разговаривал с жителями окрестных сёл. Они рассказали, что после этого боя здесь осталось лежать около сорока грузин.

Да, вот ещё что интересно. Тогда, именно седьмого августа, в Хетагурово работали телевизионщики с одного из российских каналов. Начался бой, а они снимают телекамерами, и при этом ещё задачи нам ставят: башню туда поверните, сюда поверните... Мне пришлось вылезти из танка и отправить их куда подальше. И как раз в этот момент совсем рядом с телевизионщиками разрывается снаряд. Место там болотистое, поэтому корреспондента с головы до ног окатило грязью... Мы подумали, что ему, точно, конец пришёл, ведь разрыв был совсем близко. Подбегаем – а он грязный весь, глазами моргает. Но – ни единой царапины!..

Когда бой закончился, у нас почти полностью пропала связь: грузины стали её глушить. Причем временами связь снова появлялась. Но, как потом выяснилось, как раз в этот самый момент грузины наши переговоры записывали.

Снаряды у нас закончились, заправить танки было негде, поэтому из Хетагурово нам пришлось отойти к Цхинвалу. А в четыре часа утра восьмого августа в Хетагурово вошли уже грузинские войска. Наши же танки в тот же день перебросили ещё дальше,

в Джаву. Ведь российские войска, которые уже начали подходить к Цхинвалу, в горячке боя вполне могли перепутать осетинские танки с грузинскими.

Александр Янович Сланов:

– Укрепрайон на высоте удалось уничтожить. Но тут же грузины начали стрелять по Хетагурово из 152-миллиметровых САУ (самоходная артиллерийская установка. – Ред.). Эти установки были в соседних грузинских селах на расстоянии не более пяти километров. Часа два с половиной или три многострельное Хетагурово грузины из этих «саушек» утюжили.

Наши танки Т-55 очень старые. И моторесурс у них был почти полностью выработан, и боеприпасы к ним тоже были старые. Да и вообще снарядов после интенсивного боя у наших практически не осталось. Потому полноценно продолжать артиллерийскую дуэль с грузинскими САУ наши танкисты уже не могли.

В Цхинвале во второй половине дня седьмого августа стало известно, что Саакашвили выступил по телевизору и объявил перемирие. Отношение у нас к его выступлению было двойное. Вроде бы он и официально объявил о перемирии, вообще-то это же серьёзное заявление, так, по крайней мере, должно быть. Потому надежда на мир у нас всё-таки была.

Я выехал из Хетагурово на встречу с министром внутренних дел, чтобы всё-таки обсудить тот вопрос, ради которого я вообще оказался здесь

– комплектование ОМОНа. Меня забрал оттуда мой друг, который специально приехал в Хетагурово за мной. Министр сказал, что он едет на переговоры с грузинами. Потом говорит: «Завтра подходи часам к десяти, мы с тобой ещё переговорим». Тогда уже были проблемы с бензином. Друг мне предложил: «Давай ты у меня переночуешь, чтобы машину туда-сюда не гонять. А завтра после разговора с министром я тебя отвезу в Хетагурово».

В половине двенадцатого ночи седьмого августа в Цхинвал прилетели первые мины и снаряды, потом начали работать ГРАДы. Многие люди в городе в это время уже спали. Кто-то ещё телевизор смотрел, кто-то припозднился с ужином. И тут начинается массированный артиллерийский огонь по спящему, по существу, городу. Работали очень методично и организованно. ГРАДы залп производят, начинают перезаряжать – в это время бьют 152-миллиметровые САУ и 120-миллиметровые миномёты. Всё было у них продумано.

Но в Цхинвал танкам войти можно было практически только через Хетагурово. Нашим бойцам, которые в основном были разбросаны по блок-постам, дали приказ отходить в сторону Джавы по Зарской дороге. Уж больно силы были неравные. Ручные гранатомёты, которые были у наших, бьют всего на шестьсот пятьдесят метров. А у танка дальность прямого

выстрела – почти два километра. Поэтому грузины, танки которых вошли в Хетагурово в четыре часа утра, село, можно сказать, гусеницами просто раскатали, как хотели...

Утром восьмого августа над Цхинвалом появились «грачи» (СУ-25, фронтовой бомбардировщик. – Ред.). Пролетали они очень низко, было видно, что они камуфлированные. Народ подумал, что это «грачи» российские, люди выбежали на улицы – машут руками, приветствуют их. А грузинские самолёты в это время развернулись и ударили по мирному населению ракетами.

К двум часам дня грузины заняли больше половины Цхинвала. Сопротивление было по всему городу. Кто-то из наших бойцов успел отойти, а кто-то остался в тылу у грузин. Их артиллерия по мере продвижения по городу танков и пехоты переносила огонь на те районы, которые ещё не были захвачены, чтобы по своим не ударить. Сам я в это время был в районе Текстильщики. По нему огонь ГРАДов практически не прекращался. Минуты на три интенсивность спадала, хотя в это время всё равно прилетали снаряды от САУ и мины. А потом опять начинали работать ГРАДы.

Могу точно сказать, что жители Цхинвала держались очень сплочённо. Помогали друг другу, прятали у себя в подвалах тех, у кого подвалов не было. Паники тоже особой не было. Но было абсолютное понима-

ние: надежда – только на Россию. Все ждали: ну когда же наконец появятся российские войска?..

В районе трёх часов дня восьмого августа на наших полевых командиров вышли по радио российские военные. наших начали запрашивать по их позывным: «Вы где, выходите на позиции». Те отвечают: «Хорошо. А помощь будет?». Отвечают: «Да, помощь будет». Но, насколько я знаю, российские войска к тому моменту на территорию Южной Осетии ещё не вошли.

Наши бойцы из министерства обороны Южной Осетии, МВД, КГБ, ополченцы перегруппировались и атаковали грузин. В городе, имея ручные гранатомёты, воевать с танками, БМП и БТРами уже можно. Вспомните, сколько наших танков было подбито в своё время при штурме Грозного. Сколько точно было подбито единиц грузинской бронетехники, я не знаю. Но звучала цифра: около двадцати пяти. На улицах осталось много убитых грузин. Когда их атаковали, они начали забегать в дома, прятаться...

Я находился рядом с радиостанцией, которая работала на волне, где переговоры между собой вели наши полевые командиры. Они запрашивали друг у друга обстановку в зоне ответственности, координировали действия. И по их переговорам стало понятно, что к восьми часам вечера

Цхинвал был практически очищен. Около девяти часов были подбиты две БМП и ещё две БМП захвачены. К тому же времени были зачищены и сёла под Цхинвалом.

Всю ночь с восьмого на девятое продолжался артобстрел. По городу опять били десятки ГРАДов, САУ и миномёты. Утром девятого августа их штурмовики снова бомбили город. Утром девятого августа, ближе к обеду, в эфир вышел Анатолий Константинович Баранкевич. Раньше он был министром обороны Южной Осетии, потом стал секретарём Совета безопасности. Сам он восьмого августа днём тоже находился в Цхинвале, лично подбил танк. Он запросил по позывным полевых командиров. Те доложили ему обстановку. Переговоры велись, естественно, условными кодами. На Баранкевича, в свою очередь, вышел представитель российских войск, позывной у него был «Стрелок» (позывной изменён. – Ред.).

Наши командиры доложили Баранкевичу, что они наблюдают большое скопление грузинской пехоты и около ста пятидесяти единиц бронетехники. Они назвали координаты. Баранкевич эти координаты передал «Стрелку» и говорит: «Ребята, накройте их, пока они находятся в районе ожидания или сосредоточения». Ему ответили: «Мы вас поняли, сейчас артиллерией накроем». Прошло часа полтора-два, но огонь российские войска по скоплению живой силы и техники грузин так и не открыли...

Сам я находился всё в том же районе Текстильщики. Постоянно был наверху, но где-то к обеду спустился в подвал, где находилась радиостанция, чтобы послушать последние новости. Женщины плачут. Спрашиваю: «Что случилось?». Отвечают: «Командиры по радио сообщают, что гранатомётные выстрелы почти закончились. Со стороны района, который в народе называют Шанхаем, в город снова начали входить грузинские войска».

Спротивление грузинам всё равно было, наши ребята упирались до последнего. Но уже сказывались проблемы с боеприпасами, особенно с гранатомётными выстрелами. Без этого как с танками бороться? Я слышал, как полевые командиры друг друга опрашивали что у кого осталось, и совещались, как дальше оборону держать. И вот ситуация дошла до того, что грузины уже начали зачистки в тех районах, через которые они вошли в Цхинвал. Насколько я знаю, вошло в тот день двенадцать тысяч грузинских пехотинцев и около ста пятидесяти единиц бронетехники. Российских войск в Цхинвале на этот момент всё ещё не было.

Тогда, в этой критической ситуации, было принято такое решение: пока есть возможность, прорываться и вывезти женщин, которые находились в подвалах, в Джаву. Есть два Зарские дороги: одна старая, другая новая,

объездная. Мы с женщинами выехали на старую Зарскую дорогу, я на ней оказался первый раз в жизни.

Когда мы поднялись на гору, то открылся вид на Цхинвал. Он напоминал Сталинград. На дороге стояли несколько российских БМП, но в город они не входили... Дальше по дороге встретились грузинские сёла. Там нас обстреляла грузинская БМП-2. Я её не сразу заметил, она была камуфлирована. Наши-то БМП все покрашены в цвет хаки. Дай Бог здоровья этому грузину – оператору БМП – за то, что он в нас не попал. Мы на белой старенькой газели еле-еле ползли в гору. Он дал очередь на четыре выстрела, и они легли прямо рядом с газелью. Стрелял он снизу вверх, но расстояние по прямой всего-то было метров триста-четыреста значит разнести нас он мог просто вдребезги. Я не знаю: то ли он не захотел в нас попасть, то ли прицел как-то не так взял.

Мы перескочили через гору и начали спускаться вниз. Тут нас обстреляли уже из ПК (пулемёт Калашникова. – Ред.). Хорошо, что мы ушли под склон, а они, похоже, только в последний момент нас заметили. Дали длинную очередь трассерами, но по нам, слава Богу, тоже не попали.

Дальше мы подъехали к какому-то селу, где уже стояли российские танки с активной бронёй, с гвардейскими значками на люках. Мы видели, как раненых российских солдат грузили в «уралы». Потом со старой Зарской дороги мы выскочили на новую. И

там уже стояли наши «саушки», через равные промежутки – «тунгуски» (зенитный ракетно-пушечный комплекс для борьбы с воздушными целями. – Ред.). А когда мы по серпантину спустились к Джаве, то увидели, что навстречу нам колоннами идут российские танки, бронетехника... И в этот момент мы почувствовали, что победа будет за нами.

Самое страшным во всём этом кошмаре было сомнение, что российским руководством вообще будет принято решение о вводе войск. Когда я спустился в подвал, то женщины плакали из-за того, что уже больше половины города грузины взяли. Начались зачистки, появилась информация об уничтожении мирного населения. И женщины с плачем спрашивали: «А где же Россия, неужели она нас бросила?». Но Россия их, слава Богу, в беде не бросила.

Бросок на Гори

Часть I

Текст: Сергей Галицкий

Заместитель командира
76-й гвардейской
десантно-штурмовой
дивизии ВДВ
Герой России полковник
А.Л. Красов

Рассказывает Герой России полковник Андрей Леонидович Красов:

– В начале августа я находился в служебной командировке в городе Пушкине под Петербургом. Наша 76-я десантно-штурмовая дивизия (она находится во Пскове. – Ред.) должна была участвовать в тактических учениях «Ладога–2008», и мы проводили рекогносцировку возможной площадки приземления на полигоне «Каменка». В два часа ночи 8 августа 2008 года мне позвонил оперативный дежурный нашей дивизии и сказал, что сегодня же в четыре утра я должен быть у командира дивизии. Спрашиваю: «А что случилось?». Отвечает: «А смотрите по телевизору новости». Я включил телевизор – показывали горящий Цхинвал. Стало ясно: началась война...

Срочно закончив свои дела, только вечером 8 августа я смог вернуться в дивизию. К тому времени первая батальонно-тактическая группа десантников уже вылетела в Северную Осетию. После проведения строевого смотра наша группа осуществила погрузку в самолёты и вслед за ними вылетела в Беслан.

Аэродром Беслана – гражданский. Он не приспособлен для приёма большого количества военных самолётов. Эту проблему пришлось решать так: сначала нужно посадить первые пять самолётов, в быстром темпе выгрузить и отправить. Только после этого появляется возможность посадить следующие.

Там на месте, когда мы прилетели, заместитель командующего ВДВ генерал-майор Вячеслав Николаевич Борисов сообщил, что осетинские части и ополченцы ведут ожесточённые бои с грузинами и уже погибло несколько десятков российских миротворцев. Эта страшная новость, конечно, повлияла на настроение бойцов. Все как-то подобралось внутренне – стало ясно, что будем сражаться до конца. Я не могу сказать, что люди были одержимы чувством мести. Просто всем стало очевидно, что справедливое возмездие за погибших товарищей и убитых мирных жителей должно наступить обязательно.

Здесь же на аэродроме генерал-майор В.Н. Борисов уточнил нам задачу. И в ночь мы совершили марш по маршруту Беслан–Алагир–Рокский туннель. Не будет преувеличением сказать, что тогда наши механики-водители совершили коллективный подвиг. Представьте: ночь, горная дорога, ограниченная видимость, огромное скопление техники, встречное движение машин с беженцами... Личный состав, который, исходя из чеченского опыта, передвигался сверху на броне, а не внутри машин, имел ещё возможность хоть как-то глаза сомкнуть, а механики-водители, те не могли отвлечься ни на секунду, ведь на некоторых участках, прямо у обочины дороги, начиналась уже пропасть, на